

СМУРЬ

А. АНТ

18+

Арест Ант Смурь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23277185

SelfPub; 2020

Аннотация

Кто может объяснить, почему каждая поездка в Санкт-Петербург чревата непредсказуемыми последствиями? Может, там воздух особый?

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

53

В оформлении обложки использован открытый источник:

«Исаакиевский собор. 1818-58»

Открытка. © Издательство "Аврора". Л., 1979.

*На меня такая смурь¹ напала,
хоть веревку муть.*

ЗИМА

Shit happens². Тревожный звоночек в голове зазвенел прежде, чем я очнулся. Такое вот наследие бурной молодости. Вроде давно отвык, и вот опять. Но встряска иногда полезна, раз чуйка не сработала. Когда расслабился и забыл, чем обычно заканчиваются незапланированные авантюры.

Конечно, лучше вообще подольше не выходить из сумеречного состояния. Тем более, когда вчера перебрал и предстоит очнуться в чужой, и, весьма похоже, недружественной обстановке. Дополнительных развлечений явно не предвидится. Теперь только огреть уже заслуженное. Где – неизвестно, за что – всегда найдётся. Аксиомы бытия.

Зато очередное напоминание – надо уважать свой первый

¹ Смурь – тяжелое состояние, плохое настроение; похмелье; сплин, хандра, тоска; плохая погода, пасмурность.

² Shit happens – Дерьмо случается – распространённое английское сленговое выражение, которое представляет собой констатацию факта, что жизнь полна несовершенства.

и последний организм, а не так бездарно его третировать. Подъём!

Я нервно дёрнулся, словно пинком вышибленный из беспокойного омута. Включился. Задышал часто-часто, успокаивая дрожь и подступающие позывы. Теперь сконцентрироваться и оценить полученный ущерб. Во-первых, зверски трещит голова, а бешено пульсирующая кровь отдаёт по вискам гулками толчками. Словно напильником по такому родному чугунию. А потом назад. И опять. Терпимо. Во-вторых, рот, как губка, набрался всякой неприличностей. Аж язык клинит. Да и внутренности в нездоровых судорогах. Но это уже, в-третьих.

Да уж, действительно – юношеские ощущения. Давненько не встречались. И не уловить, что и где сейчас не прорвётся. Хотя нет. Лучше спереди, чем сзади. И точно не здесь. Надо искать место...

А что там внизу дёргает, когда башку на мгновение отпускает? Сначала удар сверху, а потом эхом отдаёт в ногу? Маятник возмездия?

Ох, не надо было вчера давать слабинку. И шаг назад закончился... а чем кстати? Надеюсь, только незначительными телесными повреждениями и моральным ущербом.

– *Мёртвые сраму не имут* — попытался выговорить и вдруг отчётливо понял, что ничего про прошедшую ночь не помню. Явные провалы в памяти. Надеюсь, без криминала. И так уже перебор. Даже двойной. Да и в накатившем бодуне

нет никакой толерантности. Только трубы горят, и все казни египетские приближаются. Вполне объяснимо, если потреблял невесть что. Тут даже одна нога сдалась.

Ну почему ни одна зараза до сих пор не придумала нормального бухла, которое просто дарит радость? Не оставляет похмелья, а самое главное – этого убийственного перегара? Всем же лучше будет. Притом сразу! Только раскрыл глаза, а уже благоухаешь лавандой или там свежей геранью. Я сейчас даже на запах огуречного рассола согласен. Кстати, заманчивая идея. Вполне реализуемая. Это же Россия-матушка. А она своих блудных сыновей в обиду не даёт.

Господи, да я согласен даже на берёзовый сок, который с детства ненавижу!

Воистину *весело веселье, тяжело похмелье!* Верю, наступит время, когда я гордо буду произносить «похмелье» с долгим ударением на последнюю букву. Вот тогда непричастные будут люто завидовать интеллигентному человеку. А пока наткаться на косые взгляды...

Кстати, а где все люди? Сбежали, а меня бросили? Или уже в засаде сидят?

Думаете тут нарушена логика? Отнюдь! У меня в жизни нарушение логики было только раз – когда облачённый в белый костюм пчеловода я, во время посещения пасеки, был атакован племенным быком.

Не хотелось бы повторений. Тем более, что некая аллегория вполне чётко просматривается.

Я со стоном приподнялся, с натугой приоткрыл склеившиеся веки и попытался сфокусировать расплзающиеся глаза. Надо сосредоточиться и постараться осмотреться.

Грустно. Как это грустно.

Хмурое марево стоит в совершенно незнакомой квартире. Вокруг раритетная обстановочка времён, расцвета сил Ильича. Нет, другого, который *«наш Ильич, наш дорогой. Леонид Ильич»*. Этакая заполированная стенка под потолок. Из несуществующей ныне ГДР.

И вот в неё почти упирается раздвинутый стол-книжка со скатертью, местами стянутой неровными гармошками. Видно, цеплялись влезая-вылезая, но так за собой и не поправляли.

Стол завален грязными тарелками, хрустальными рюмками, фужерами, стаканами и пустыми бутылками. Обляпанные салатницы. И как апофеоз – на самом краю гордым флагманом возвышается полупустая трёхлитровая банка домашних огурцов с начинающими тонуть разномастными окурками.

Похоже, рассол отменяется. Мой желудок такого кощунства не потерпит. Уже заранее бунтует.

Разочарованно кхекнув, я перевёл взгляд на здоровенный настенный ковёр исключительно ядовитой, прямо-таки химической расцветки. По глазам резануло, а ломанные линии зловеще зашевелились. Сразу стало укачивать и резко плохеть. От греха подальше, прикрыл глаза и опустил голову.

Слегка отпустило.

Слишком мало информации и чересчур много неизвестных факторов. Всё более непонятных.

Лучше определиться со своим уровнем деградации, а потом заняться планом действий.

С трудом двигая затёкшей шеей, я изогнулся. Поморгал мутными глазами.

Жуть какая. Моё тело безвольной куклой брошено наискось разложенного, но не застеленного дивана. Солидно продавленного. Но это точно до меня.

Пришлось, непроизвольно охнув, приподнять тело повыше. Там внизу что-то ногу держит.

Ага, к ней, как к подушке, приткнулось калачиком нечто женское, судя по очертаниям весьма солидно выпирающей кормы. Так, девушка с формами. Хорошо, хоть не с веслом. Я повнимательнее присмотрелся, но вроде никаких знакомых или отличительных особенностей не наблюдается. Да и не разобрать из такого положения. Возраст вроде не детский, но позитива это не добавляет. Сейчас такие малолетки пошли – многодетным матронам фору дадут. А их боевая раскраска вообще только в блуд может вводить.

– Да, жизнь всё расставляет по своим местам... а меня туда вечно суёт! – мрачно, но хоть тихо сообщил я в прокуренный сумрак комнаты. Не хватало ещё разбудить это чудо-чудное для выяснений диво-дивных. То, что она сейчас полностью одета вообще никак не гарантирует моего ночного

го алиби.

Надо делать ноги. И очень даже срочно. Отпраздновали Новый год, пора и честь знать. По личному опыту знаю, что уйти по-английски, если рассусоливать, редко получается. А потому надо собрать все силы в кулак, чтобы потом не было мучительно больно от несвоевременно вернувшихся родственников. Сначала сильно удивлённых, а потом уже быстро задумывающих исключительно неласковое.

Такое вот у нас наследие доисторического материализма и ветхозаветного домостроя. До сих пор порядочным ходокам-одиночкам никаких скидок не делают.

Так, а сам как? Вроде без травм и увечий. Рубашка на месте, джемпер не особо измят, даже джинсы застёгнуты на все пуговицы. Пятен крови вроде нигде нет. Но нет одного носка. Точно. Причём правого. Я очень аккуратно пошевелил оголёнными пальцами ноги. Прислушался к ощущениям. Отлежал, но терпимо – ползти не придётся. Вроде всё на месте и работает. Остальное перебедем.

Может эта незнакомка – просто добрая самаритянка? Одевать меня начала, да не рассчитала сил, так сильно умаившись на последнем предмете моего скромного гардероба?

Тогда надо понять, насколько же сильно тут вчера праздновали-отрывались? Надеюсь, я не умудрился заложить предпосылки для сентябрьского сюрприза? А потом сделал дело и заснул смело?

Всё надо проверять.

Сведя руки ковшиком, я аккуратно приподнял женскую головку и, выгнувшись по мере возможности, вгляделся в спящее личико, густо раскрашенное разномастными снежинками. Сейчас сильно смазанными. Чуть вслух не ляпнул про Гюльчатай, но скрючился от накотившей дурноты. Лишь бы не стравить. Иначе эта подруга своим ультразвуком мигом весь дом на уши поставит.

Убей не помню кто такая, как зовут, и не уверен, что вчера я её вообще видел. Таковую точно бы запомнил. Надеюсь, не местная и никто не будет её прямо сейчас рьяно искать с такой же, ещё не опохмелившейся полицией. Запаришься потом отпираться от разных гнусных инсинуаций. Здесь слово джентльмена ни в грош не ставят. Только наличным и исключительно вперёд.

С трудом сдвинув в сторону свою порядком задеревеневшую ногу, я медленно опустил упрямо сопящую головку на свободное место. Заодно и свой бежевый носок обнаружил, комом прилипший к её подбородку. Обслюнявленный, но уже подсохший. Зато отмеченный яркими пятнами бордовой помады. В зубах его несла, но не донесла? Как там? А, на последнем издыхании.

Нет! Я культурная плесень! Это же явно художница такая новомодная. По лицу сразу видно.

Я аккуратно отодрал носок, пока он намертво к ней не приклеился и не стал удачной утренней инсталляцией в её очередном нелёгком креативе.

– Не в то творчество силы вложила, инсталляторша-декораторша, – отечески шепнул я ей в затылок, – Так и до извращений докатиться легко. Хотя, с другой стороны, может ты и права. Сразу бери в рот – легче выплюнуть будет. Да и к славе путь сократится.

Я с натугой натянул скукоженный носок и, слегка подволакивая ногу, решил пробираться к самому необходимому сейчас месту. Тут самое важное – чрезвычайно осторожно ступать по скрипучим паркетинам. Не гнать звуковую волну, а то могут тормознуть глупыми расспросами. А организму любые задержки чреватые. Настораживает, что меня начинает нехорошо потряхивать и весьма ощутимо знобить. Но это пока не так страшно. Главное, чтобы никаких неожиданных извержений не последовало. Тут уж без шума не обойтись, щедро делясь с *белым другом*.

Со второго шага я даже перестал дышать, чтобы своими миазмами лишний раз не провоцировать желудок, а заодно не травить это сонное царство. Только очереди озабоченных советчиков мне у туалета не хватало.

Но тактический план стать первым не удался. За дверью совмещённой «гаванны» открылась непреодолимая полоса плохо переваренных остатков салатов, мощно сдобренных закисшим алкоголем и вообще чем-то невообразимым. А вид переполненного унитаза выдавил из меня скупой мужской всхлип, неожиданно отогнавший рвотный позыв.

Клин, конечно, клином, но не такой же ценой.

– Мощно отработано, – констатировал я очевидное, плотно прикрывая дверь. И потащился на кухню, придерживаясь за стену. При этом в голове крутилось чьё-то достаточно спорное утверждение: *«Сами по себе свиньи – довольно милые и полезные животные»*.

Там, уже с сильно возросшей обидой, толчком захлопнул дверцу холодильника. Ничего жидкого или полезного. Всё подчистую выгребли, оглоеды. Стараясь не захлебнуться и при этом не особо облиться, жадно осушил две кружки красноватой воды из-под крана. С трудом отдышался и понял, что мутильник слегка загасился, но включился обратный отсчёт до следующей катастрофы. Мочевой пузырь, зараза такая подлая, получив подкрепление, начал активно проверять джинсы на прочность.

Пришлось расстегнуть верхнюю пуговицу, следуя стандартной технике безопасности, и перейти на осторожную кавалерийскую походку матёрого сапёра.

В прихожей, среди завалов одежды, я еле выгреб свою куртку, а потом и зимнюю кепку. Хоть ботинки яркими жёлтыми пятнами сами сигналили. Медленно, стараясь не особо отклоняться от вертикали, стал кое-как облачаться. Полноценно никак не получалось. Сначала молнию постоянно задало, а потом пуговицы ни в какую не захотели лезть в петли. Да и плевать. Не декабристы, и мне с ними не на площадь.

Больше всего времени я убил на попадание в ботинки, стараясь не разгонять излишнюю рябь по организму. Весьма

удачно. Главное, что шнурки оказались надёжно прижаты к стелькам. Изнутри. Всё одно возни меньше. Да и безопаснее.

Полное впечатление – словно к первой высадке на Марс собирался. Аж запарился с непривычки.

Теперь осталось выскользнуть и напоследок громко хлопнуть дверью. Типа, всех с праздником, а я на волю!

Но тут внезапно проклюнулись жалкие остатки совести. Меня же сюда не просто так занесло, а кто-то ведь затащил? Точно, Моня. Хоть он и гад распоследний, но надо его поискать и выяснить в каком он состоянии. Это же была его «блестящая» идея объединить празднование Нового года со «знакомством вслепую». Вот уж воистину blind date, раз так *наблиндатился*.

Я вздохнул, собираясь с силами, и не удержав равновесия, качнулся, привалившись к обшарпанной стене. Но, если подумать, это правильно и предусмотрительно. Третья точка опоры. Основательная. Тело само понимает, как устойчивость надо сохранять.

Теперь есть время сконцентрироваться. Перебрать сохранившиеся жалкие остатки воспоминаний о прошедших сутках. А вот это не так просто. Но надо. Несколько минут точно есть.

А с чего всё началось?

Так, вчера, ближе к вечеру выяснилось, что давным-давно запланированная на загородной даче частная встреча, которая должна была завершиться высококультурным меропри-

ятием «жизнь моржа как воплощённое здоровье», отложена на неопределённый срок. Хозяева дружно загрипповали и перешли на постельный режим. Явно переборщили, к нашей встрече активно готовясь. Видно, их система не всегда даёт ожидаемый лечебный эффект.

А жаль, что так и не приобщился к русскому know how и заодно не выяснил всю правду о чудодейственных свойствах криогенного удара с последующей целебной гипертермией. Действительно обидно – люблю смотреть на неожиданные человеческие закидоны. Тем более, что хозяева клялись и божились, что после такого любые болезни как рукой снимает. Сейчас бы точно пригодилось.

Так, а потом?

И тут в голове стали всплывать хоть и яркие, но очень обрывочные воспоминания.

Точно, навязываться к кому-то другому в гости было тогда ещё не поздно, но уже откровенно в лом. Да и никаких дополнительных подарков я на такой случай с собой не имел. Мелькнула идея провернуть халявный вариант «и тут нагрязнул еврей с тортиком». Вот только мысль о том, что для этого придётся выползть на грязную и промокшую улицу в поисках подходящего реквизита, была сама по себе аморальна. Потому сразу и безжалостно была удавлена в зародыше.

Тогда я смачно плюнул на всё и расслабился. Закинул на антресоли расписной треух, трофейные валенки с дизайнерской телогрейкой и решил отмучить новогоднюю ночь в оди-

ночестве.

Раздражало только одно. За окном плюсовая температура, а в доме топили как будто сейчас самый разгар ледникового периода. В квартире – просто невыносимые тропики, а откроешь окно – ещё и липкие.

Я разделся до трусов и решил праздновать вызывающе цивилизованно. Впервые за много лет ностальгически потел и изнывая под праздничные потуги всё никак не затухающих, но крепко заматеревших телевизионных звёздунцов, звездуниц и даже некоторых чрезмерно перерихтованных звездуниц. Надо же хоть раз попытаться найти хоть какую-то разницу между любодееями и лицедеями³.

И дал слабину. Решил лирически настроиться на предпраздничную волну – принять полтинничек-другой. Исключительно, отметить столь неординарное событие. Всё равно подарок девать некуда.

Но не успели ещё первые ознакомительные струйки односолодового вискарря⁴ как следует омочить нёбо, а я оценить качество *воды жизни*, как взвыл телефон.

И не просто, а с дурным надрывом: «*Только рюмка водки*

³ «Боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов участь в озере, горящем огнём и серою. Это смерть вторая». © Откровение Иоанна Богослова 21:8.

⁴ Whisky произошло от гэльского «uisge beatha» или «usquebaugh», что означает «вода жизни». Изначально виски рекомендовался как лекарственное средство для сохранения здоровья и продление жизни, его прописывали для облегчения более при коликах, от паралича и даже от оспы.

на столе...».

У меня под эту кабацкую непотребность собраны исключительно те, кому лучше стараться не отвечать. Не нарушать душевную гармонию.

Но тут вроде как праздник на носу и люди вполне могут сподобиться на доброе слово или пожелать чего хорошего. А комплимент, да при таком-то настроении, если не разве-селит, то хоть отвлечёт.

– Слышь, едкий перец, это Моня, – раздался жизнерадостный голос моего очень старого приятеля Вовки Неруса. Он противно похихикал и вдруг забасил как заправский Дед Мороз, – *Кто в гостях сейчас у нас? То чухона-контрабас⁵! Сколько лет, сколько зим был в Россию не ввозим!*

– Монь, привет. – рад, что по телефону не видно, как меня всего передёрнуло, – Спасибо за столь персонифицированное поздравление. Оценил повышенную иронию домашней заготовки. Надеюсь, недолго мучился. Да, и тебя туда же – особо празднично. Постой! Так мы же вроде как вчера должны были пересечься? Кто-то мне клятвенно обещал старый должок вернуть взад?

– Правда? Извини. Телефон вчера сдох, а из головы совсем вылетело. Потом праздник на носу, кучу важных звонков надо было сделать, сам понимаешь. – в голосе Мони не было даже лёгкого намёка на раскаяние, – Как сам? Уже гуляешь? Где? С кем?

⁵ См. «Как стать контрабандистом».

– В норме. Да. В пустой квартире. Один. – кратко, но ёмко ответил я на все поставленные вопросы. И твёрдо решил не выяснять нестыковку между «сдох телефон» и последующей «кучей важных звонков». Явно в этом временном промежутке я не был запланирован.

Считая, что на этом разговор подходит к закономерному концу, я стал с интересом поглядывать на стакан. Вискарь вполне себе приличный и моё дальнейшее знакомство с этим «лекарством от тоски» значительно предпочтительнее пустопорожного трёпа.

– Молитесь на меня, Киса! Есть предложение, от которого нельзя отказаться! – его взрывной энтузиазм заставил телефон нервно дёрнуться в моей руке. – Собирайся. Срочно. Пулей. Поедем к таким *лялям*, что ты в слюне своей чухонской захлебнёшься-ёшься-ёшься...

Последнее слово он мог долго смаковать, добавляя разные неправильные буквы.

– Кончай выносить мозг, Магомаев. – прервал я эти истошные вопли, – Лично я никуда не собираюсь. Поваляюсь тут сам-один в трусах до курантов. Приму порцию-другую отличного вискаря. Посмотрю старый силикон и кривые подтяжки на неувядаемых светских, пардон, советских телесах. Послушаю знакомые с колыбели песни. *«А жирный лебедь на пруду швырял в меня свою еду»*. Умру от тоски, но обойдусь без приключений.

– Это ты мне брось! Сам ... без ансамбля. Я понимаю, что

не ждешь, что кто-то сделает тебя счастливым – вот и бухаешь с тоски. Но забудь хоть на сегодня свои замшелые тур-малайские привычки. Раз припёрся в Питер, будь любезен стать настоящим культурным челом! Как встретишь Новый год, так и лечиться будешь. – радостно тараторил Моня, не давая мне вставить ни слова, – У тебя там, небось, дома искусственная ёлка, скопидом? Вот туда точно припрётся ваш одноглазый Йолопукий с китайскими скороломками! И никакой радости целый год не будет. Тоска. Вискарь свой во-нючий добьёшь, а от нашего зомбоящика вконец офинарешь. На всю праздничную неделю. Знаю я таких, насмотрелся. Нам активность нужна! А тут, прикинь, такие *звездатые* Снегурочки затомились. Нас ждут. Всё по чесноку! И вообще: «*В Питере пить!*»! Правильно Шнур пропагандирует. Но в одиночку – последнее дело. Всё. Я к тебе лечу...

На середине фразы в ухо ударили короткие гудки, а в душу стала закрадываться вполне обоснованная тревога. Много-много лет назад, наш первый и последний совместный новогодний поход закончился рекордно быстро в женской общаге каких-то там хитрых военных телеграфисток или телефонисток. Я так и не успел с их биографиями ознакомиться. Потому, что наше общение началось в половину двенадцатого, а закончилось ровно в полночь. Запомнилось оно исключительно шумным и позорным выдворением с привлечением дежурящего там патруля. И сопровождалось откровенно нехорошими словами и разнообразными красочными эпита-

тами. Совершенно неуместными в такой добрый праздник. Хорошо, что без особого членовредительства.

Моня тогда реально выступил.

Перед приходом мы прилично приняли. Как, впрочем, уже была «в правильной готовности» и принимающая сторона. Аж в количестве четырёх девиц. Всё бы было здорово и увлекательно, но Моня вдруг *возжелал* лично запустить через весь праздничный стол притащенную им здоровенную китайскую шутиху. От самых дверей прямо в открытое окно. Это вроде как многовековая китайская традиция – *улетай из дома старый год*. Все дополнительно «заправились топливом» и стали писать записки, чтобы после этого их сжечь, а пепел с шампанским выпить под бой курантов. Для *вящего* исполнения самых потаённых желаний, реализовать которые нас пригласили.

Моня долго и буйно ораторствовал, а потом церемонно поджёг фитиль. И как римский император гордо выставил вперёд руку, направляя ракету в последний путь. Держался он за длинную направляющую рейку, что вроде вполне нормально для неадекватных. Но подвели китайские товарищи. Фитиль, догоревший почти до конца, неожиданно издал резкий хлопок и испустил кривую струю жгучих искр. Прямо на Монину руку. Тот рефлекторно дёрнулся, роняя рейку, а ракета, уже начав движение, «клюнула» носом в большую салатницу с ещё даже не тронутым оливье. Дальше последовал десятисекундный «камерный» эффект от взбесившейся

огненной твари. За это время она успела полностью испохабить комнату. Причём, значительно превзойдя самые страшные ожидания. Даже последующий фейерверк под потолком ничего особо нового не добавил ни нам, ни расфуфыренным девицам, моментально и дисциплинированно выполнившим команду «Воздух». Всех нас выручила из военная подготовка.

Самое прискорбное началось под громкий бой курантов, когда милые девчурки, выползая из-под стола превратились в чрезвычайно злобных, я бы даже сказал психованных фурий⁶.

Что было потом – лучше вообще не вспоминать. Всех накрыло знатно. А самый большой урон, если брать лично нас, мы понесли от шрапнели из оливье. Он перекрыл все те незначительные ожоги, следы от копоти, и даже в хлам испорченную одежду. Кстати, включая всю верхнюю, опрометчиво брошенную на кровать.

А эти изверги, ошибочно называемые слабым полом, нас, раздетых, буквально на пинках вынесли прочь. Вполне по делу, если подумать. Но тогда мы были искренне оскорблены в лучших чувствах. И совсем не радовала спасённая Мониная сумка, набитая разнообразными презервативами и интимными подарками.

Потом мы сполна вкусили ночную питерскую романтику конца девяностых. При минус двадцати. Милиция нас явно и

⁶ Фурии – в древнеримской мифологии богини мести.

открыто избегала, в метро не пускали, а частники ни за какие разумные деньги не соглашались везти. До сих пор иногда вздрагиваю от воспоминаний.

Господи, пронеси от рецидива!

Моня ввалился меньше, чем через час.

От него несло убойной смесью водки, коньяка и омерзительно резких духов.

– Так вот ты как Год Петуха⁷ решил встретить... – я пощелкал пальцами, подбирая слова, – Во всеоружии? Что надушился, я даже из-за двери уловил. А *тады* губки *пошто* не подкрасил? Или хотя бы на глазки стрелки навёл. Типа: «В Новый год, петухи»! А люди в ответ радостно подскажут направление твоего праздничного движения.

– А вот вам родственница – розовая птичка «обломинго», господа чухонцы, а не наш красный пролетарский петух! – он принялся к своему свитеру, – Действительно, резковато как-то. Конечно, если бы от меня разило деньгами, всем было бы значительно лучше. А духи – это я с нашей новой бухгалтершей плотно потискался. Но там сплошные непонятки. Да и Новый год за другой стол зовёт. Пришлось отступить и благородно ретироваться. Да, а на твой грубый наезд. Как-как говорит один мой знакомый литовец: «*В э-этом год «один рас – не петухас»!*

– Ja-Ja, natürlich! Но лучше уж петух-с, чем петух-ас. Ты

⁷ 2017 – год Красного Огненного Петуха по китайскому (восточному) календарю.

бы поправил человека, кабы потом вам обоим за «аса» не пришлось чужое непотребство из *порушенных затворок* выковыривать. От разъярённых борцов за евроценности.

– Хамим? А вроде трезвый. Короче, давай собирайся. А я пока буду тебе подробно рассказывать - *что, где, кому и как*. И это, трусы смени. У тебя есть какие-нибудь праздничные? С гномиками там, с ёлочками? Иначе нет *форсу*.

– Вот так прямо разбежался, любвемобильный ты наш. Может сразу с популярным в этом году сюжетом «В лесу голубые ели, а красные гномики готовили булки»? Не дождёшься, интриган. Нам такие трусы – ни в тренд не сдались.

– *Ах, не спеши под-д-друга...* – пропел он насмешливо, но тут же серьёзно уточнил, – Может у тебя хоть командировочные резинки заныканы какие-нибудь особо навороченные? С усиками или там сильно шипастые? Круто, если с огоньками. Это, говорят, невероятно заводит. И цветомузыка, и подсветка. Нет? Ну, на худой конец, хоть с запахом праздничным?

– Да ты на свой худой конец хоть пожарный шланг натяни – сейчас всё одно будет как под ёлкой. Кстати, повторюсь, но поверь на слово, этот твой парфюм – исключительно зверская вещь.

– Лады, уломал языкастый. Буду соблюдать дистанцию, пока душ не приму. Собирайся, а я, тем временем, *нашу* «дорожную карту» тебе в консенсус введу. Зачатился я с одной клёвой такой милашкой. Да не с одной. Там как у Черны-

шевского: *«Две сестрички и мамаша – выбирай, кто будет ваша».*

– Моня, ты патриархального Чернышевского в свой блуд не впихивай. Он туда никак невпихуем. Он вечный подкаблукник. Дядька на «Что делать?» все силы положил.

– Да? А вот скажи мне, такому несчастному одинокому, как разделиться на трио? Они заочно мне уже нравятся. Причём все. Так что *нам* делать? – последнее он трагически выделит.

– Если это опять из серии про близняшек – одна голубоглазая, а вторая с вот таким мужским достоинством, то будешь сам-один карусель крутить. Пусть побегают лошадками по кругу, раз готовы. У тебя целая ночь впереди – сиди себе и оценивай рабочие органы – авось выберешь самую выносливую, которой алименты платить. Или представь обратную картину: стремительным коршуном кружит некий вожделеющий Моня вокруг трёх замерших (или окончательно замёрзших?) в страхе (или бесплодном ожидании?) Белоснежек. А они будут тебя игриво подбадривать. Или циничные советы давать, что ближе к истине. Проза жизни, чувак.

– Ты давай, одевайся-собирайся, глумитель-истребитель. Ночь-то впереди длинная, а я не железный. Пока водочка-закуски, шампусик под шуры-муры, так до звона кремлёвских колокольчиков никакого баловства не ожидается. – тут Моня встал в позу и жалостливо продекламировал: – *А там и сил уж нет и свет зари в сон беспробудный клонит.*

– *Вкури, Моня, от чухоня*. И не напоминай про свет зари – я на пожарище уже однажды с тобой насмотрелся. И нет у тебя весомых аргументов. Я-то зачем там нужен? При любых раскладах всё равно останется одна лишняя женская особь. Не оприходованная лаской и оттого сильно обиженная. Может даже злая. И всё пойдёт насмарку. Без балды для балды. Сечёшь русский?

– Каламбуричь изволите? Аппетит приходит во время... или вовремя – ну, ты меня понял. *Тут раньше выйдем – там больше вставим*. Такова наша жизнь. Всё остальное на месте сообразим. Может у одной герпес будет или ещё какая уважительная причина. У женского пола это часто бывает. В нужный-то момент. *Иль гостя аспирин мигрени не преграда?* – откинув назад голову, продекламировал он пафосно.

– Типун тебе на страдающее место, который всё это задумал. И герпес этот туда же. Для полноты коллекции. Значит так. Первое – чем ближе ночь, тем меньше нашей дружбы. Второе – лично я сижу дома очень тихо сам-один и не ищу никаких казусов с их «мирными» *люлями*. Мужик, ты меня понял? Зато утром буду как фреш-огурец без всяких трагических воспоминаний. Я ещё тот наш прошлый праздник не забыл. Усёк? А через три дня отбываю себе спокойно в своё провинциальное захолустье, в маленькую, но очень гордую Еврожопляндию.

Моня не стал настаивать и резко сменил тактику. Мелким бесом быстренько втёрся ко мне в компанию и единолично

приступил к ударному уничтожению вискаря. Он преувеличенно громко и смачно дегустировал каждый глоток, морщился, но причмокивал, при этом постоянно выдавая хвалебные речи в адрес непревзойдённых островных мастеров. И трижды, на разные лады, умудрился произнести тосты о том, что при виде красивых девушек только порядочный человек должен чувствовать себя подлецом.

Не прошло и часа, как я незаметно сломался сначала на вторую порцию, а потом на третью... видно жаба всё же поддушила.

И в какой-то момент мы оба и почти одновременно пришли к выводу, что раз Моня железно обещал, то будет просто самая распоследняя гнусность и совершеннейшее похабство не явиться в гости, раз неизвестные, но очень добрые девушки готовились и с таким нетерпением нас ждут. Гусары мы или твари неблагодарные?

Да потом ещё пожрать захотелось. Но я всё ещё колебался.

Но тут Моня, путаясь в заковыристых словах, углубился в философские дебри о том, что если даже сам процесс совокупления с лицами противоположного пола желудок может и не насытит, но, с другой стороны, и никакие салаты, даже с самым ароматным горячим, нарастающий сексуальный стресс точно не снимут.

И этим занудством окончательно меня сломал.

Дальше небольшой кусок вечера слегка затуманился, и я снова выпал в реальность уже в этой самой мрачноватой

трёхкомнатной «хрущёвке». Осознал себя сидящим с низко опущенной головой и тупо ковыряющим вилкой в пустой тарелке. Упрямо стремясь наколоть одинокую, но очень хитрую горошину, стремительно бегающую между размазанными пятнами от непонятно кем съеденных салатов. Видно, эта целеустремлённая настойчивость что-то переключила в голове и на меня одновременно навалился цвет и окружающий нестройный шум.

Моня громко заливал, а хозяйки, преданно смотрели ему в рот и изредка вразной прыскали.

– ... и тогда Наталья ему этак зло говорит: «Ты опять хочешь перед гостями на своих съёмках вусмерть упиться? Тогда моё встречное условие. Хочу шубу на Новый год!»! Тут Гоблин вскакивает с колен и радостно вопит: «Сейчас будет тебе шуба! Дементий, мухой в кладовку за свеклой, картошкой и селёдкой»!

Девицы с некоторой задержкой, но вежливо хихикнули. Я поморщился, однако сдержался, и вместо нездорового критиканства, решил приглядеться к праздничному столу. Целостность многочисленных салатов была уже давно и варварски порушена. Типичная Мониная тактика. Разрыть, надкусить и обхаять. Одна пустая бутылка водки стоит в уголке и к ней явно скоро присоединятся бутылки вина и коньяка. Зато рюмка передо мной стоит пустая и явно ни разу не использованная. Как и фужер.

– О, а вот и наш чухонский тормоз очнулся, – бурно отре-

агировал Моня, – А то мы всё одни, да одни. Совсем заброшены таким задумчивым челом. Правда, мои Снегурочки? Давай свой тост, *Склифо-финский*. Новогодний и без ваших затягиваний. Ба, да у него рюмка пуста! Штрафную! А потом опять начнём знакомиться на брудершафт. Или снова, но заново. По полной программе!

Вместо рюмки мне подсунули резной хрустальный стаканчик-бочонок, с бережно сохранённой золотистой этикеткой из социалистической Чехословакии. Щедро налили водки.

– Тост. – я лихорадочно попытался вспомнить что-нибудь весёлое, но память никак не реагировала. Пришлось отделаться тягучей канцелярщиной, – Новый год нужно встречать без долгов, без обид и без проблем! Хочу всем пожелать не только встретить, но и провести весь этот наступающий год в таком же духе! Kippis! Ура!

– Ну ты и гад, – внятно пробурчал Моня, – Мог бы хоть сейчас не напоминать. – тут он подхватил вилку и постучал ею по своей рюмке, – Пей до дна, не сачкуй, а не то получишь... ха-ха, новую штрафную!

Пока я давился тёплой водкой и искал чем забить отвратительный сивушный выхлоп, Моня повторно накатил себе, и несколько сбивчиво сообщил:

– А я вот успел в старом году свою последнюю обиду ликвидировать. – он немного помучался с последним словом, но дальше пошло вполне внятно, – Это им за так гнусно замыленную годовую премию моего передового филиала. У

нас главный шеф, кобелина московская, сподобился намеренно мелкий сабантуйчик на нашей точке замутить. Немного перебрал и такой спич выдал, что сам слезу пустил. От переполняющих лично его *«карпаративнейших чуйств»*. Жена его, та ещё совладелица подколотная, барственно этак под села к «народу», да от умиления самое весёлое клювом прощёлкала. Я у неё телефон тихонечко позаимствовал. Всю слюнявую сценку заснял, а фото со стишатами на центральный сайт компании закинул. Потом следы подчистил и телефон назад ей в сумочку всунул. Всё чин-чинарём. Пусть повеселятся после возвращения со своих тропических остров. Да и стишата получились неплохие. Мои. Почти. Главное, что жизненные: *«Новогодняя снежинка зацепилась за бокал. Дед Мороз Снегурку лапал, я при жёнушке страдал»*.

Моня гордо всех оглядел и, не дождавшись аплодисментов, лихо опрокинул рюмку. Подцепил симпатичный маринованный грибочек, обнюхал и торжественно отправил в рот.

– А теперь, красавицы, смена блюд, а потом полный брудершафт и начинаем выбор героев на игрища игривые! Только пусть сначала наш задумчивый философ ещё штрафную оприходует, а то слишком нудный. – Моня злорадно ухмыльнулся и, слегка постукивая горлышком бутылки о край, стал медленно наполнять мой весьма вместительный стаканчик, пока женская тройка, скрипя стульями, засуетилась, перемещаясь на кухню.

– Будешь знать, как портить праздник, – зашипел он мне тихо, – То ломался: «Ах, я не такая, я жду трамвая», а потом начал: «Давай в бар заскочим, боевой градус повысим, веселее будет». И что сейчас, повышатель? Затаился, что твой кукушка-снайпер под ёлкой, вместо того чтобы со мной в первых рядах истекать пламенной страстью. Выбирай цель, а не прикидывайся ветошью. Я уже весь исстрадался один париться. Не железный Феликс. И вообще, нечего рожу кривить, когда я свои байки травлю. Мы тут все в Питере либо самого Путина вблизи видели, либо с Гоблином в одном дворе с детства росли. Про Боярского вообще молчу – сам потом еле курить бросил и в людей разными железками тыкать. Такая вот у нас неразрывная родоплеменная связь народа.

– Племенные, говоришь... вот и продолжай бравое дело. Ты и без гармошки начудишь...

Возразил я вяло, но тут же обречённо вздохнул, частично признавая свою вину, и с натугой одолел стаканчик. Сдержал подозрительные спазмы упорно сопротивляющегося желудка и крепко ухватился за обгрызенный кем-то ломоть чёрного хлеба. Сначала старательно занюхал, а потом стал медленно пережёвывать маленький кусочек, пахнувший отчего-то рыбой. Ни облегчения, ни ожидаемого поднятия настроения никак не наблюдалось. Зато опять стала неотвратимо наползать дремотная хмарь.

Последнее, что я расслышал от Мони, лишь несвязные обрывки из уплывающих в непонятную даль звуков:

– ... мне неудобно материться... такой жизнью только мух привлекать... вон чухонцы – после первой никогда не желятся... переполнен мечтами и фантазиями... в кровати всё должно быть весело и шумно...

Дальше пошли только смутные вспышки-воспоминания о безуспешных попытках всунуть мне что-то в руку и моё слабое сопротивление, какие-то противные мокрые чмокания и подозрительные торможения. Затем... может я сам перебрался, а может меня, чтобы не мешал, усадили на этот диван, но зато окончательно отстали. В середине ночи я ненадолго очнулся от шума новых гостей, ввалившихся с шумом и гамом. Благодарно выпил подсунутый стакан, думая, что это вода. На этом празднование окончательно и бесповоротно закончилось. Подвёл трезвый образ жизни.

Надеюсь, это не я бешеным лунатиком уделал туалет. В ответном слове.

Всё. Осталось только определиться, что там с Монеи и быстро делать ноги. С ним или без него. По сложившейся оперативной обстановке. А если я его здесь брошу, то он мне ещё долго будет напоминать студенческую латынь: *Veni, vidi, vici – пришёл, упилился, обломил.*

Или плюнуть и убедить совесть старой волшебной мантрой «дахусим»⁸?

⁸ Эта история произошла во время гонки лыжников на 30 км на Олимпиаде 1972 года в Саппоро (Япония). Когда на дистанцию отправилась уже добрая половина гонщиков, вдруг повалил густой и липкий снег. Советский лыжник Вячеслав Веденин за минуту до своего старта решил перемазать лыжи сообразно

Постояв немного, я махнул на последствия и решительно повернулся спиной к входной двери.

Первым делом осторожно заглянул в ближайшую к кухне комнату. На двуспальной кровати, из-под края одного, зато развёрнутого поперёк одеяла, выглядывали аж четыре, глубоко вдавленных в подушки, непонятных клубка из женских разноцветных волос. В кресле у окна натужно всхрапывал толстый парень. Из-под его кабаньего загривка выглядывал мятый праздничный колпак, сдерживаемый сильно растянutoй на шее резинкой. В соседнем кресле мохнатым шариком под пледом свернулась старшая хозяйка квартиры. Её фиолетовую причёску невозможно забыть.

– Не наши и без происшествий. – шёпотом убедил я себя, мечтая в душе, что Мона уже давно слинял и меня здесь больше ничего не держит. Тогда хоть не придётся заглядывать под стол и инспектировать балкон. Гибкость организма и так сильно ограничена неустойчивыми шлаками.

Осталось проверить дальнюю комнату и быстро рвать когти. На свободу с чистой совестью.

Моё медленное продвижение по квартире сопровождалось противным скрипом паркетин, что вызывало законные опасения за безопасность изыскательских мероприятий. По-

изменившимся погодным условиям. Один из местных журналистов, владеющий русским, обратился к нему: «Думаете, поможет – очень сильный снег пошёл»? Что ему ответил Веденин до сих пор не ясно, но в Японии на следующий день многие газеты вышли с заголовком: «Сказав волшебное слово «Дахусим», русский лыжник выиграл Олимпиаду»!

дозреваю, что они будут без малейшего позитива и одобрения. Да и петли в последнюю комнату надо бы непременно смазать, а то мёртвого разбудить можно.

Однако, вся эта нервогрёпка стоила любых свеч. Взору открылась изумительная до щенячьей трогательности картина. На сдвинутых вместе узких кроватях, тесно прижавшись друг к другу, разлеглась последняя спящая троица. Ближе ко мне – одна из здешних дочерей в весёленькой фланелевой пижамке, щедро расписанной летающими сердечками. Её за талию нежно поджимал к себе Моня, оставшийся в одних шелковых «боксёрах» с мультяшными утятами. А вот уже на Моню по-хозяйски закинул руку незнакомый мужик с голым волосатым торсом, в полуспущенных семейных трусах, и стянутых до колен джинсах. Видно, дальше длины рук ему уже не хватило. Или так и задумал, шалунишка.

Я непроизвольно хихикнул и стал прикидывать, нужен ли мне по жизни такой шикарный компромат? Тут каждый ракурс сам по себе великолепен. Может заказать дюжину кружек с серией обличительных фотографий и послать Моне на день рождения? Или он тогда, алаверды, чем-нибудь гнусным ответит, неблагодарный? С него станет.

Да и вообще стоит ли сейчас будить Моню? Тут мой взгляд упал на полированный трельяж с трёхстворчатым зеркалом. Я таких монстров давненько не встречал. Там, среди разбросанных женских вещичек, лежали чистые листы поздравительной бумаги и золотистый толстенький флома-

стер. Я крупными буквами написал на верхнем листе: «*Как проснешься, проверь целостность канализации. Ищи меня в ближайшей забегаловке. Не найдёшь – звони*». Вначале хотел написать «*целостность своей канализации*», но решил не усугублять горечь его пробуждения. Затем свернул лист в трубочку и аккуратно засунул Моне сзади под резинку в трусы. Оценил проделанную работу. Похвалил себя за тонкую двойственность изложенного.

Запоздало пожалел, что сразу не догадался накрутить бумажную трубочку прямо на фломастер – для воссоздания дополненной реальности. Обидно, но теперь я точно ни за какие коврижки к его исподнему больше не притронусь. Удручённо вздохнул и начал осторожное отступление. При этом бездумно бормотал намертво заученное языческое заклинание, обычно отвлекающее бунтующий организм:

– Пошли мне, хозяин, свободного *висельника*⁹, и даруй *семимильный из семи – бус с курами тур*¹⁰.

Несколько озадаченно я упёрся в закрытую выходную дверь. Непреодолимым препятствием оказался странный замок с непонятным рычагом как у мясорубки, но, к своему вящему удивлению, я вполне легко с ним справился, а дверь

⁹ WC – water closet.

¹⁰ *Similia similibus curantur* (сими́лия сими́либус кура́нтур) – «Подобное излечивается подобным» – латинское крылатое выражение из гомеопатии, основанной на лечении заболевания ничтожно малыми дозами тех лекарств, которые, будучи взяты в большом количестве, могли бы вызвать в организме здорового человека явления, подобные признакам данной болезни.

потом сама из рук вырвалась, выдавливая меня на площадку, и мягко чмокнула, захлопываясь. Гостеприимство закончилось.

Затем последовал утомительный спуск по подозрительно вихляющимся, да ещё и сколотым ступенькам. Внизу я с трудом протиснулся в полуоткрытую железную дверь и, не удержавшись, боком вывалился под козырёк подъезда. Слегка потанцевал на мокром бетоне, но устоял. Тут же, в отместку за это, тусклый дневной свет подло ударил по воспалённым глазам. Пришлось осторожно подтянуть козырёк своей всепогодной шведской кепки пониже к носу, чтобы хоть как-то уберечь глаза и тем самым сохранить шаткое равновесие в организме. Метафизика в движении.

– Ну и где я? – голос был всё ещё хриловат, но звучал почти как родной. Только с чужим послевкусием.

Первый же небольшой шажок вперёд показал, что надо срочно гасить (и лучше всего свежим пивом) остатки непонятной праздничной еды, иначе местным таджикам асфальт до лета не отмыть. Если он от такого вообще не расплавится. У меня повыше желудка что-то уж очень подозрительно вскипает. Чрезвычайно ядовитое. И булькает как в ведьмовском котле. Не добрые руки те салаты рубили, ох недобрые. Явно не веганы.

Осторожно вздохнув, я, под мысленные проклятия, двинулся по замусоренному проезду между домами. Споткнувшись, стал более пристально вглядываться в подозрительные

разводы грязи под ногами. Мне сейчас для полного счастья не хватает ещё в лужу по колено провалиться. Или вообще асфальт поцеловать. Как завершающий аккорд драмы.

А местные календари это окружающее безобразие обозвали «зима праздничная». Злые они.

Каждые несколько шагов я останавливался и мужественно обзирал неустойчивые пейзажи. Искомая цель совершенно неожиданно обнаружилась под крышей обшарпанной двухэтажки. Вроде как неоновая вывеска со странной надписью ЧП «Пирожковая-Пивная «BEERлога» не очень вдохновляла, но подсознательно вызвала обильный приток кисловатой слюны. Хотя, подозреваю, это обнаглевший мочевой пузырь выдавливает конкурентов.

Заветная, обитая дерматином дверь, была расположена на уровне второго этажа. Явно бывшего советского типового магазина-стекляшки. В торце сначала прорубили незапланированную первоначальным проектом дыру (или неудачно выбили кусок стены при очередной перепланировке), а потом, чтобы скрыть это безобразие, к стене приварили двухпролётную железную лестницу, местами проржавевшую до полного неприличия.

Под этой пародией на декоративный вход, выделялась монументальная, но не менее ржавая дырявая бочка, вокруг которой были разбросаны пустые бутылки и даже не смятые пивные банки. За край бочки зацепился деревянной полукруглой ручкой вполне приличный зонт. Это уже явно кто-то

из местного бомонда оставил. С далеко идущими преступными замыслами. Не иначе.

Давненько я в такие места не забирался.

Вот только было совершенно непонятно, функционирует ли этот сомнительный источник жизни, или закрыт бессердечным владельцем на все ненормированные выходные? Я застыл, пребывая в мучительных раздумьях. Стоит ли проверка этой забегаловки трагических последствий от ползания по лестнице? Может двинуть дальше в поисках какой-нибудь однозначно открытой подвальной лавки?

Но тут сзади послышались приближающиеся неуверенные шаги.

– Давай, родной, двигай, милый. Ты же на автопилоте. Не промахнись. Натуру не пропёшь. – с надеждой зашептал я, боясь повернуться и лишний раз потревожить организм. – У меня мутильник, а ты смотри как целеустремлённо шлёпаешь. Тут совсем ничего осталось – *семимильный из семи* – и будет мне *бус с курами тур*.

Видно, опять помогло.

Обогнув по излишне широкой дуге, протащился плотный расхлюстанный мужик, неторопливо, по-хозяйски загребая грязь ногами. Застыл на мгновение, а потом вполне уверенно загрохотал по лестнице, хватко цепляясь за трубу, выполнявшую роль перил. На самом верху громко потопал ногами, имитируя очистку обуви, рывком распахнул дверь и исчез из виду.

– Спаситель ты мой, – вырвалось у меня, – Моисей. Конец моим скитаниям.

Лестница покачивалась, негромко скрипела, но держала. Перед дверью я остановился, напоследок глубоко вдохнул загазованного влажного воздуха и уцепился за ручку. Тугая пружина неохотно поддалась и я, через недлинный тамбур, слегка пошаркав ногами по мокрому половичку, попал в полутёмное помещение со стенами, обклеенными явно югославскими фотообоями с кривыми берёзками. Когда-то я от них был без ума.

Оба имеющихся окна были завешаны линялыми портьерами. Также имелись три деревянных стола с редкими посетителями и вполне современная барная стойка с уже немолодой, но статной и очень даже симпатичной буфетчицей. Хотя тут надо брать круче – Барменшей, с самой большой буквы. Порода всё же даёт себя знать.

– С праздником! А пиво... – тут требование организма напрочь отбило все мыслительные способности, и у меня страдальчески вырвалось наболевшее, – Можно в туалет?

Аккуратно подведённые брови барменши слегка дёрнулись вверх, она произвольно втянула воздух (вроде как глубоко вздохнула), слегка поморщила свой весьма аристократический нос, но невозмутимо отреагировала:

– С праздником. И тебе, мил человек, не хворать. Пиво в туалет не отпускаем. Там и без посторонних живописцев полно – уборщица никак не нарадуется. – тут лёгкая мор-

щинка пересекла высокий лоб, – Пока будешь там... э-э-э ихтиандрить, могу бокал пива налить. Но у нас с обязательной выпечкой. – её голос внезапно посуровел, – Так будем набор брать? Или отдельно платим за гостевое посещение приватной комнаты?

– Будем брать. Набор. И самое светлое. – как можно твёрже подтвердил я, – Сразу по возвращению. Или надо вначале оплатить?

– А куда ты денешься с подводной лодки, касатик? – она усмехнулась краешком губ и вдруг очень весело подшмыгнула, что никак не вязалось с её достаточно неприступным внешним видом, – Насмотрелась я тут на всяких... Беги уж, горемычный. И это, двумя руками покрепче... рули. Там потолок недавно побелили.

Мужики в зале её сдержанно поддержали. Я нетерпеливо кивнул и, стараясь не очень широко расставлять ноги, заковылял к двери с мужским силуэтом.

Вышел я с блуждающей улыбкой и направился к стойке. Пока доставал деньги, взгляд остановился на вполне приличной цветной татуировке на тыльной стороне левой руки. Два кольца, нанизанных на стебель голубой розы с красноватыми шипами. Хороший мастер душу вложил.

– Красиво, – ляпнул я первое, чтобы оправдать свой повышенный интерес, – Ваша?

– Нет, соседке на рынке сторговала, – она насмешливо покачала головой, – Топай, касатик, вон к тому стаду на живи-

тельный водопой. Как мозги прояснятся, приходи за второй. И лучше молча. Не люблю глупых разговоров. Только не забывай, что борьба с похмельем завершается запоем.

– Не думаю, и так печень болит.

– Вчера много выпил?

– Думаю много. Но всё равно не помогло.

Оставив её в лёгкой растерянности, я осторожно взял высокий запотевший бокал и тарелочку с аппетитным пирожком. Посмотрел по сторонам и отправился к пустующему столу. Как раз меж двух немногочисленных компаний. Выбрал дальний стул, чтобы не терять из виду вход. Может ещё Моню вносить придётся.

Немного посидел, отдыхая, а потом сделал проверочный глоток. Пиво было в меру холодное и приятно горчило. Пена устойчивая. Пришлось даже дважды слизнуть с губ. Удивительно, но цены здесь чуть ли не дешевле магазинных. Я прикрыл глаза и постарался получить максимальное удовольствие от начавшегося процесса вызволения себя из потустороннего мира.

Пиво закончилось быстро. Я с неожиданным удовольствием умял пирожок с мясом, поставил пустой бокал в тарелку, со скрипом отодвинул стул и направился к стойке. Одновременно с этим стукнула дверь и в зал бодренько просеменил суетливый старикашка. Вылитый дед Шукарь из старого советского фильма. Только фактурнее. Он метнулся, опередил меня у стойки, и с грохотом высыпал кучку мелочи.

– Сто граммчиков «Зелёной», «Девяточку» и твой чудесный пирожок. – на одном дыхании выпалил он и серьёзно добавил нечто загадочное, – Под расчёт.

– Потарахти тут пока с молодёжью. Но не пугай. – барменша аккуратно вытерла руки полотенцем и, не считая, смахнула мелочь, – А я пару-другую банок лично для тебя из кладовки в холодильник заброшу. Пока водочку оприходуешь, остудятся.

Старикашка понятливо закивал и обернулся ко мне:

– Внимай, зашедший чужедом! Есть кто мы? – забормотал он явно привычной скороговоркой, отрабатывая какой-то непонятный мне номер. При этом задумчиво и цепко смотрел куда-то вбок. – Космополитанцы! Вера у нас вся иудейская – хошь христианская, хошь магометанская. А то единственное в зиму зелёное древо губим и подношениями обкладываем словно язычники какие. Целый год почитаем непонятных зверюг из китайских фантазиев. Всю страну вже захламили. Даже наше пиво и то какие-то датчанцы испортить пытаются. Только русская водка нас вместе крепко держит! Последние скрепы! И те постоянно разбавляют...

– Аминь, дедуля! – благожелательно прервал я странный монолог, косящего под юродивого, – А то все скрепы в рюмке выдохнутся.

– Подождут. Вот вы все напиваетесь до поросычьего визга, как нехристи, – голос его неожиданно стал повышаться, с прорезанием надрывных ноток, – А потом я, всеми забытый,

на балконе просыпаюсь. В домашних тапках. И это в Новый год!

– Лаврентий, угомонись, – равнодушно сказала вышедшая из подсобки барменша, – Будешь брать клиента на понт – с лестницы спущу.

Дедок сразу сгорбился, стал меньше ростом, преувеличенно аккуратно взял рюмку, потом в сердцах цапнул тарелку с нервно качнувшимся пирожком, и бочком-бочком убрался к крайнему столу, моментально растворившись за спинами явных соратников.

– Повторить? – через плечо бросила барменша, расставляя пивные банки в холодильник, – Или что покрепче? Сам себя оценивай. Да, если *кипиши* как Лаврентий захочешь поднять – не посмотрю, что такой красивый – сразу на ноль поделю. Благо, что залётный.

– Повторить, – уверенно подтвердил я. Мне барменша всё больше нравилась. Что-то в ней было этакое крепкое и устойчивое. Или надёжное, вроде каменного утёса посреди бурной реки. – И два дополнительных пирожка. Я тут товарища жду.

– Ну жди, жди, – она забрала у меня бокал и тарелку, коленом небрежно откинула крышку и сунула их в посудомойку. Оценивающе осмотрела пирожки и выбрала три из разных мест. – Может тогда два пива? Подельничку головняк сходу снять?

– Давайте два. – легко согласился я.

Пиво неплохое, место спокойное. Можно часок-другой

приятно провести в полном бездействии. И организм слегка оправить от стресса.

Допив бокал до середины, я разомлел, откинулся на спинку стула и стал осматриваться. Слева, ближе к окну, за чуть выдвинутым к стойке столом, склонив друг к другу головы, ёрзали на своих стульях два паренька-переростка. Они занимались тем, что постоянно перепихивали друг другу между банками «Пепси» свои телефоны и глупо хихикали. Нимало не стесняясь сидящего напротив них угрюмого мужика. А тот, регулярно вздыхая, изредка запускал руку в свою патлатую шевелюру. Но не чесал, а лишь слегка касался черепа и сразу убирал руку назад. Будто рычажки какие переключал. Был так поглощён этим занятием, что даже пиво осилил лишь на треть.

Я, от нечего делать, стал вслушиваться в перешёптывания пареньков, делая вид, что страшно заинтересовался портъерами.

– ... сам смотри. Вишь, я своей на замутить тиснул: *«Туснём? За вкусняшку под ёлкой, будет тебе иглотерапия? Спецы вангуют – улётно»*. Няшно? Отпад как завернул. А она мне вот – через пару часов официалкой такой: «Выбрала под пальмой. Всё включено». И «фак» такой зачётный. Такая пичалька накрыла, пришлось с родами на жухлый пупырь падать...

– ... тут корректор всю малину сбил, – с задержкой стал я разбирать невнятный шёпоток второго, – Лукни. Она мне

фотку топless заслала с эсэмэской: «Зацень!». Я ей моментом откинул: «*Бест лицо!*»! Ну, типа не фейс в натуре, а то, что самая *хот претти*. И *эпик фейл*. Набил «лицо» – видишь Й и Ц уроды рядом запарили – цепанул обе. Вот корр, отстойник, сам чейнжнул на «яйцо». Ну, а я киксанул, не просёк подставу. Вместо нам оторваться в реале без её шнурков, враз бэком врубила: «*Пнх кзл*»...

– Да с твоим шнурком и без её шнурков никогда ничего толкового не выйдет. Только горазды своего мелкого куда ни попадя пихать, балаболы. – неожиданно зло прервал его патлатый, – И вздумайте своими шедеврами мне тут трясти. Даже если по своему долбанному Интернету на оглоблю вытянули. Оторву к бебелям. Вместе с ботвой. Из-за таких дочь в прошлом году... без пригляда оставил. Вроде не полная дура и компания большая... приличная. Отпраздновали за городом... зато теперь мы все с крикливым. Только вот того Деда Мороза никак не вычислить. Надеюсь, хоть одного, а не целый зверинец. Моя как партизанка молчит. А ведь ей восемнадцать только весной будет. Курсы танцев пропали... из-за таких...

– Савелий, не срывайся на шкетах, – раздался негромкий голос барменши, – Не они виноваты. Найдём паскудника – не отвергнется от счастья. У них беды не от головы – от техники. Постоянно говорю – следите, что ваша шпана сопливая из Сети качает, и что ваши свистульки туда выкладывают без всякой соображаловки.

Савелий махнул рукой, откинулся на стуле, зло поджал губы и прикрыл глаза. Душу отвёл и успокоился.

Пацаны затихли и попрятали телефоны. Чинно схватились за свои «Пепси». Допили и бочком-бочком испарились. Даже дверь придержали, чтобы, не дай бог, не хлопнула.

Я, вроде как бы удобнее устраиваясь, немного сдвинул стул к другому столику. Там, помимо суетливого Лаврентия, расположились два мужика и сильно опухший парень. Одного я уже видел – он мне вроде как путь сюда указал. Другой, степенный такой, что-то рассказывал, медленно цедя слова, и каждую фразу сопровождал небольшим глотком. Заинтересовавшись, я вслушался.

– ... и вот тут ко мне сосед-козел прям перед гостями прискакал: «Беда! У меня ёлка не стоит. Жена рыдает. Иди, выручай»!

– А ты ему что? – льстиво задал вопрос Лаврентий.

– Высказал, как отрезал. Теперь долго забегать не будет. Потом жена весь праздник пилила. При гостях, представь. Начальник он её. Конченный козёл.

– Точно, но карьер жене может поломать. Раз не стоит – нефиг к вам постоянно шастать. – озабоченно сообщил Лаврентий, но поперхнулся, и бодро подскочил, – Такое безобразие полирнуть надо. – и ходко почесал к стойке.

– Не, ну чё такого? – оторвался от кружки второй – тот самый расхлюстанный «Моисей» – мужик самого простецкого вида, с большими натруженными руками в несмывае-

мых тёмных разводах. – Ты же его, Степаныч, не по матушке послал? А, понял. Может и правильно. Меня вот тут тоже директор крепко приложил. А за что? За дополнительный труд. Бесплатный, прикинь. Наняли нам по осени двух клоунов патлатых – молоко на губах не обсохло. Они, вроде как, всю бумажную волокиту переведут на электронную. Канцелярская, ети его, новизна. Так вот. Директор перед праздниками задумал конкурс для детей провести. Которые у наших сотрудников без дела болтаются. На лучшую игрушку. И отпраздновать вместе. Для улучшения показателей. Так эти щеглы каждому работу расписали. Ко мне пристали с плакатом – я на флоте красный уголок оформлял. Грамоту командования имею. Почти цельный день старался, чтобы, значит солидно было. Да не абы какой плакат, а надёжный и в стихах. Во. Всякие снеговики и снежинки там. Серебряной пыльцы у соседки одолжил. Вот погляди, я даже сфоткал.

Степаныч долго разглядывал, потом молча передал телефон опухшему. Тот присвистнул и сразу вернул владельцу. Мужик повертел телефон в руках, но сочувствия от компании так и не дождался. Тогда он повернулся ко мне:

– Вот свежий человек. Ну, скажи, за что он меня?

Он сунул мне телефон. Я взгляделся в мутный экран, местами заляпанный чем-то подозрительно липким, и вдруг мучительно икнул, не сумев сдержать внезапно накотившего позыва. Запил пивом, чтобы не зациклиться. Слегка переждав, присмотрелся повнимательней.

Действительно неординарная работа. На стене какого-то казённого помещения, явно подвального, висел добротный сбитый раскрашенный прямоугольник, где среди снежинок и звёздочек полукругом располагались достаточно симпатичные строчки, выполненные разноцветной гуашью: «АХ У ЕЛИ, АХ У ЁЛКИ – РАСЦВЕТУТ УМОМ ИГОЛКИ!», а ниже мелким шрифтом «Калидаскоп идей».

– Но я снеговика не вижу. – пришлось сильно постараться овладеть своим голосом и только потом посмотреть на него честными глазами. – А так очень даже неплохо. Там есть ошибка в одном слове.

Мужик повернул к себе телефон, долго шевелил губами, потом неуверенно спросил:

– «Ёлку» надо было без точек написать? Опять новые правила ввели?

Подошедший с пивом Лаврентий выхватил у него телефон, взгляделся, подслеповато щурясь, кхекнул:

– Лёньчик, ты сам такие умные слова навывдумывал, или новая сожительница снабжает?

– Зато красиво и лапидарно. – не удержался я, чтобы не дать угаснуть творческой жилке.

– Лапедарастично, – отрезал Лаврентий, – Это как преступная халатность при обрезании. Только хороший материал зря загубил. Лучше бы мне на дачу отдал. Надеюсь, получил по полной?

– Получил, – не стал отрицать Лёньчик, вставая с пустым

бокалом, – Только до сих пор не могу понять за что.

– Вернёмся – расскажу, – подал голос опухший, – У меня проблемы из той же серии. Даже похуже. Сейчас, только пива возьму.

Они вдвоём отправились к стойке, а Лаврентий пересел к Степанычу и проникновенно произнёс:

– Ты это, на жену зла не держи. Она же для тебя старается. Из кожи вон как лезет. У них там увольнения постоянные. Вот ей и приходится... особо стараться. Сам же себе молодую выбрал. Теперь смотри сквозь пальцы. Жаль, выпивать она стала без меры.

– Да ты что, старый, мелешь? Она и в рот-то не берёт.

– Ох, боюсь тебя снова огорчить... в смысле давай замнём. Лучше вот молодёжь послушаем.

Первым вернулся опухший. Сел, немного помассировал лицо. Кстати, достаточно симпатичное, если в нормальном состоянии. Потом горестно вздохнул. Дождался Лёнчика и начал тихим голосом делиться своей проблемой:

– Там у нас в офисе доску такую специальную установили. Металлическую. Вечную. Буковок накупили, стрелочек, кружочков. Все такие – на магнетиках. Для семинара. А теперь на эту доску магнетиками указывки разные пришлёпывают. А буквы наш народ теперь на холодильник лепит. Больше для глупостей разных. Один вообще перед приходом новеньких повадился писать: «КОГДА МИНЕТ БЕДА». На испуг брал. А не придерёшься – он вопросительный знак

просто подальше ставил.

– Объясни – не понял, – перебил Лаврентий.

– Ночью засни в метро с открытым ртом. Если повезёт, быстро узнаешь. Мне продолжать? – он мстительно выждал, пока все закончили наседать на Лаврентия, – Ну, так вот, перед праздниками наша Людка-секретутка с холодильника все нужные буквы содрала и выложила на доске «С НОВЫМ ГОДОМ!» и ниже «ДЕД МОРОЗ И СНЕГУРОЧКА». И разные фотографии шефа и его благоверной развесила, подхалимка. Мы с нашим главным программёром вчера подзадержались, да. Тихо так себе с обеда начали отмечать, пока народ незаметно смывался к празднику готовиться. А за эту хрень, как назло, глазом зацепились. Уже уходя последними. Так он моментально завёлся, типа самый умный: «Давай анаграмму! На время. Кто проиграет, тот гонит за добавкой».

– Это ж надо, чем они теперь на работе занимаются, – вновь осуждающе перебил его Лаврентий, – Ты не знал, что от такого волосы на ладонях вырастают? Девок вам мало?

– А? – непонимающе уставился на него опухший, – Слышь, дед, чего завёлся? Ты свой вялый в микроскоп от спирохеты уже не отличишь, а всё туда же. Советчик-анти-советчик. Потом и для тебя будет отдельная тема. Так вот, у меня всё уже двоятся, а он упёрся рогом и ни в какую. Пришлось согласиться. Тут он так шустро буквами задвигал, что, пока я «Дед Мороз» менял, он всё остальное уже собрал. Выиграл в общем. Вроде даже любопытно вышло. Пришлось

бежать за добавкой. Я вот селфи тогда себе на память сделал.

Телефон пошёл по рукам, сопровождаемый одобрительным мычанием. Лёньчик, явно приняв меня в компанию, протянул телефон.

На фотке, снятой под достаточно острым углом, были видны два очевидно нетрезвых индивидуума. От опухшего только указующий палец, да кусок щеки с носом – видно с вытянутой руки пытался запечатлеть сие выдающееся событие. Оба глупо лыбились и тыкали в большой металлический информационный стенд.

Под мелкими надписями были прикреплены четыре больших фотографии, явно распечатанных в цвете. Все изображали надменного толстячка с мощной лысиной. И на каждой за его плечом маячила вторая половина. Не удержавшись, я увеличил картинку и поближе рассмотрел этот новомодный идеал жены-стервы. Причём показательно конченной. Сиськастое белобрысое создание с брюзгливым ботоксным лицом, скалило керамические зубы, хищно выглядывающие из-под толстых пересиликоненных губ. Просто неотвратимый ужас. Толстячку точно не позавидуешь.

Уменьшил изображение и добрался до предмета обсуждения. Над фотографиями тянулись две вихляющихся строчки: ГОВНО С ДЫМОМ! и МЕРЗОДОД И ОГНЕСРУЧКА. Я не выдержал и одобрительно хрюкнул. Вторая часть полностью соответствовала увиденному на фотографиях. Специально не придумаешь. Ещё немного полюбовавшись общим

видом, вернул телефон Лёнчику.

– Секретутка, значит, шефу от души хотела лизнуть, а вы, герои, ей всю малину обхезали. Догадались хоть взад поздраву сложить? – с подвохом ввернул Лаврентий.

– Да какой там. Я бы вообще до следующего понедельника об этом не вспомнил как пришёл, так и вырубился. А ночью шеф позвонил. Мы же в журнале последними отметились. Он там видно нашу секретутку перед боем курантов высвистал, чтобы её это, персонально поздравить, – опухший сделал неприличный жест, – А мы ему такую подлянку. Вот и гадаю теперь – чем закончится?

Все замолчали, оставив пиво, вроде как выражая сочувствие возникшей проблеме. Хотя тишина больше напоминала поминальную.

– Знаешь, вот как вроде чёрная полоса тянется и тянется в жизни, ан нет, потом понимаешь, как сильно ошибался. – вроде как успокаивающе выдал Степаныч. – Переживёшь, какие твои годы.

– А мне что хотел рассказать? – Лаврентий с сожалением посмотрел на свой опустевший бокал, – Заодно можешь «Девяточкой» угостить. По случаю праздника. Да и тебе доброе дело зачтётся. Допивай, угощай и изливай душу. Легче станет. Народная терапия. Она с самого Петра Алексеевича у нас завелась.

Опухший скривился, залпом допил свой бокал, молча собрал со стола всю пустую посуду и ушёл к стойке.

– Жаль парня, – не особо скрывая злорадства, негромко зачастил Лаврентий, – Так с виду вполне справный. Институт закончил, а всё один да один. Не держатся за него девки. Может изъян какой скрытый имеется? Была у него одна, почти месяца три тут прожила. Он даже на вторую работу под прошлый Новый год устроился. Семейный бюджет увеличить задумал. Сидит, значит, он у себя на работе, двойную ставку отработывает, а тут ему эсэмэска прилетает от соседа снизу: *«Потише там трахайтесь, сволочи, у нас дети собрались – Деда Мороза ждут!»*

– Да, времена нынче нервные. – Лёнчик вздохнул, приподнял бокал и стал внимательно рассматривать пиво на свет.

– Люди такие. Наплевали, сволочи, на Сталина. Теперь получите-распишитесь. – тяжело роняя слова, подвёл итоговую черту Степаныч – Сейчас бы местком да профком устроили ей незабываемую жизнь.

Лаврентий открыл рот, порываясь что-то высказать, но не успел. К столу уже шёл опухший. Он за два раза перенёс пиво и обязательные пирожки. Сел, машинально чокнулся со слишком ласково улыбающимся Лаврентием и сделал первый солидный глоток.

– Так вот, шеф меня разбудил. Минут пять обкладывал и всяким разным грозил. Ну, я вроде как протрезвел, а чувствую – настроение пробивает дно и копает дальше. А тут ещё в зеркало посмотрел – морду аж поперёк раздуло. Это

у меня аллергия на солёные орешки. Блин. Вообще за грань поплохело. Какой-никакой, но всё же решил позвонить одной безотказной подруге. Тут недалеко. «Ты как там без меня»? Она мне: «Уже в постели». Я ей так шутейно: «Деда Мороза через полчаса не ждёшь»? «А зачем мне второй? Тут этот скоро опять поздравлять из душа выйдет». «А как же я»? «А ты лучше послезавтра, поближе к вечеру». Вот это меня совсем добило. Очнулся только под утро у соседки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.